

Федоров-Давыдов Александр Александрович

**Русские народные сказки А.
Федоров-Давыдов**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Александрович Ф.**
Русские народные сказки А. Федоров-Давыдов: Том 2 / Федоров-Давыдов Александр Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 231 с.

ISBN 978-5-519-78855-7

Кривая ведьма; Сила-царевич и Ивашка-Белая-Рубашка; Деревянный орел; Напиток жизни; Белый ворон; Медведь-богатырь; Леший - крысиный пастух; Лучшая певучия птица; Странствия Вавилы-скомороха; Михайлятко-дитятко

ISBN 978-5-519-78855-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Ну, что, муженекъ, вырѣзалъ мотовило-то?..

— Нѣтъ, жена,—говорить мужикъ,—опять меня тотъ же голосъ упреждалъ, что коли я вырѣжу мотовило, такъ ты умрешь. Ну, мнѣ тебя и стало жаль,—я и не сталъ мотовила вырѣзать.

— Охъ, муженекъ!—говорить хитрая жена,—не слушай ты этого голоса, сдѣлай милость, выруби ты мнѣ мотовило. Ужъ очень на работу меня позываетъ,—хоть и умереть, да поработать.

„Ну, — подумалъ мужикъ, — жаль жену изобидѣть: одна у нея отрада—поработать всласть; не хочу я ей быть помѣхой въ такомъ дѣлѣ. Вонъ она говоритъ,—хоть бы и умереть, да поработать!.. Ладно, будь, что будетъ, а завтра поутру я ей мотовило вырѣжу!..“

На третій день пошелъ мужикъ снова въ лѣсъ, а баба забѣжала впередъ, сѣла за кустомъ, и только, было, онъ взмахнулъ топоромъ, какъ жена изъ-за куста и давай его пугать:

— Ой, не руби, мужикъ, дерева, не то жена у тебя умретъ!..

— Ну,—говорить мужикъ,—что жъ теперь дѣлать, ежели ей такъ ужъ хочется работать, что и смерть не страшна. Видно, такая доля ей на роду написана.

И какъ его баба ни молила, какъ ни просила не рубить дерева,—не послушался ея мужикъ, вырубилъ мотовило и понесъ домой..

Нечего дѣлать, опять забѣжала баба впередъ домой, встрѣчаетъ мужа.

— Ну, что, принесъ, муженекъ?..

— Принесъ, женушка!.. Принесъ, вотъ какое славное мотовило!..

— Ну, слава тебѣ Господи, хоть поработаю!..—говорить жена, а сама про себя думаетъ: „Хоть бы провалился ты съ своимъ мотовиломъ. Да постой, дай срокъ, я тебя обморочу!..“

— Ну, хозяйка,—говорить мужикъ,—теперь только садись да пряди. Снасть у тебя есть!...

— Ладно, соколикъ!..

Мужикъ на работу пошелъ, а жена сѣла прясть,—да больно ужъ ей тошно работать, такъ все изъ рукъ само собой и валится. Вотъ она напрядла немного, а потомъ большой чугунъ поставила въ печь,

налила воды, положила туда кудели чуть не до краевъ, а сверху прикрыла тряпицей.

Пришелъ мужикъ домой послѣ работы.

— Ну, что, хозяйка, много напярала?..

— Вонъ, цѣлый чугунокъ доверху...

Похвалилъ мужикъ жену, а она ему и говоритъ:

— Вотъ что, муженекъ, я весь день работала, спины не разгибала, и теперь до смерти спать хочется. А я вонъ пряжу вывариться поставила; посиди, родной, присмотри за чугуномъ. Не давай водѣ закипать: чуть мало-мало булькать начнетъ, ты сейчасъ первымъ дѣломъ чугунокъ съ огня составь, а то вся моя пряжа разварится, и опять кудель будетъ... А мнѣ ужъ и моченьки нѣтъ.

— Ладно,—говоритъ мужикъ,—ложись, ужъ я-то укараулю.

Легла баба на печь, а мужикъ присѣлъ около чугуна, и давай посомъ клевать, потому за день работы сильно умаялся.

Баба-то не дремала,—какъ увидала она, что мужикъ заснулъ, она поскорѣй съ печи слѣзла, расплескала воду изъ чугуна и будитъ мужика.

— Вставай!—кричитъ.—Ахъ, ты, такой-сякой!.. Ахъ, ты, ротозѣй!.. Разбойникъ ты этакій!.. Что ты надѣлалъ?! Часу одинаго посидѣть не могъ, за огнемъ присмотрѣть!.. Глянь-ка, полюбуйся, что ты надѣлалъ. Я весь день, спины не разгибаючи, работала, а теперь вся пряжа развалилась, и осталась одна кудель. Вонъ только сверху еще пряжи самая малость цѣлехонька осталась!.. Вотъ я тебя мотовиломъ-то!..

Мужикъ видитъ, что онъ провинился, да и говоритъ:

— Да ладно ужъ!.. Чего тамъ!.. Не гнѣвись!.. Прахъ ее побери, пряжу твою!..

Ну, съ тѣхъ поръ мужикъ о пряжѣ и не заикался женѣ, а той только того и надо.

Вотъ приходитъ Свѣтлый праздникъ, мужикъ и говоритъ:

— Жена, а жена!.. Ты бы мнѣ одежонку, какую ни на есть, справила. А то, ишь, я весь пообносился, — къ празднику-то и обрядить нечего!..

— Ладно, хозяинъ,—говоритъ жена,—прости, Бога ради, что не досмотрѣла за работой-то. Да не печалься,—я тебѣ духомъ одежду справлю, да такую, какой никто и не нашивалъ...

Мужикъ обрадовался, а жена его обмазала всего дегтемъ, заколола курицу да пѣтуха, ощипала ихъ и вываляла мужика съ ногъ до головы въ перьяхъ.

Пришелъ мужикъ въ церковь, а всѣ отъ него сторонятся, во всѣ глаза на него смотрятъ да дивуются,—что-де за пугало такое огородное въ церковь пришло?..

Сунулся, было, мужикъ въ толпу,—угодилъ на свѣчу: вспыхнули на мужикъ перья и одежда,—загорѣлся мужикъ съ головы до ногъ и свѣту не взвидѣлъ, побѣжалъ домой, что есть духу,—только пятки сверкаютъ. Прибѣжалъ мужикъ домой и накинудся на бабу:

— Что ты со мной, такая-сякая, надѣлала?.. Меня въ церкви всѣ сторонятся. А свѣчка подвернулась,—я весь обгорѣлъ. Ну, постой же ты, попомнишь меня!..

И задумалъ мужикъ бабу извести. Да баба сама хитра,—кого хочешь обморочить. Думалъ-думалъ мужикъ и надумалъ, что ему сдѣлать.

Пошелъ на рѣку, перекинулъ съ берега на берегъ двѣ дощечки—одну-то крѣпенькую, а другую гнилую.

„Вотъ,—думаетъ,—станемъ мы черезъ рѣку перебираться, я и скажу ей,—не ходи по гнилой, провалишься. А баба все насмѣхъ дѣлаетъ, пойдетъ непременно по гнилой дощечкѣ,—тутъ она въ рѣку и загремитъ!..“

Какъ надумалъ онъ, такъ и сдѣлалъ.

— Вотъ,—говоритъ онъ женѣ,—не ходи, баба, по этой дощечкѣ, она гнилая... неровень часъ,—подломится подъ тобой...

А баба и пошла по гнилой доскѣ, идетъ да дразнится:

— А вотъ и пойду... А вотъ и пойду по гнилой доскѣ!.. Что ты со мной сдѣлаешь?..

И только сказала, провалилась подъ ней дощечка,—она и упала въ воду...

Вернулся мужикъ домой, а въ избѣ-то пусто да жутко. Ему и стало жаль своей бабы. „Эхъ,—думаетъ,—напрасно это я ее извести

хотѣлъ!.. Семь-ка, привяжу я зыбку къ веревкѣ, закину зыбку въ рѣчку,—можетъ статья, и выловлю свою бабу. Незамай, она со мной живетъ, а то больно ужъ скучно одному-то“...

Ну, вотъ взялъ онъ зыбку, привязалъ къ ней веревку, которая покрѣпче, и закинулъ зыбку въ рѣчку, а самъ идетъ по берегу и зыбку за собой волочить. Только и чувствуетъ вдругъ, что попало что-то въ зыбку, потому что сразу тяжело стало тащить, словно грузъ какой въ зыбку попалъ.

„Никакъ, баба моя въ зыбку-то угодила, — подумалъ мужикъ,— ишь ты, добро какое, и въ водѣ не тонетъ!..“ Вытащилъ зыбку, глядь, а тамъ вмѣсто бабы нечистая сила сидитъ, сама кикимора!..

— Тфу ты, пакость какая!—говоритъ мужикъ и хотѣлъ, было, кикимору въ рѣчку выкинуть, да та, что есть силы, уцѣпилась за него, держится крѣпко-на-крѣпко, и сама слезно его молить-просить:

— Батюшка!.. Родимый мой!.. Не кидай меня въ рѣчку... Просто житья мнѣ тамъ не стало отъ твоей жены... Какъ попала она въ наше царство, такъ все у насъ перекутила и меня чуть со свѣту не сжила... Сдѣлай милость, спаси ты меня, избавь отъ злого человѣка. А я за то тебя награжу!..

— Вонъ оно дѣло-то какое!..—сказалъ мужикъ.—Ну, ладно, коли такъ. Оставайся на землѣ. А чѣмъ же ты меня наградишь за это?

И говоритъ ему кикимора:

— За великое твое добро и я тебѣ добро сдѣлаю. Пойдемъ вмѣстѣ въ городъ. Я стану въ богатые дома забираться, стану посуду портить, въ черепья бить, ссорить всѣхъ да мутить? А ты какъ прослышишь о томъ, иди въ этотъ домъ и говори: „Что вы мнѣ дадите, я васъ отъ нечистой силы избавлю!..“ А какъ сторгуешься съ ними, только крикни: „Я въ домъ, — кикимора изъ дому вонъ!..“ Я сейчасъ же и убѣгу оттуда и въ другія хоромы переберусь!..

— Ладно,—говоритъ мужикъ,—это дѣло не больно хитрое—тебя выгонять!..

Вотъ и пошли они въ городъ,—кикимора и давай по богатымъ домамъ гулять...

Заберется въ домъ,—ничѣмъ ты ее не выгонишь. А она и посуду портить, и въ черепья ее бьетъ, и всюду безчинствуетъ, добрыхъ лю-

дей, что тихо, мирно, въ полномъ согласіи живутъ, ссорить да мутить. Просто никому отъ нея житья нѣтъ!..

Стали богатые люди такого человѣка по городу искать, который бы могъ ихъ отъ этой нечисти избавить. А мужикъ—вотъ онъ.

Пришелъ къ богатымъ людямъ и говорить:

— Что вы мнѣ дадите, господа хорошіе, я васъ живымъ манеромъ отъ этой нечисти освобожу?..

— Батюшка!..—говорятъ мужику,—родной, бери, сколько слѣдуетъ, только освободи!.. Ну, хочешь сто рублей?..

— Что жъ,—говоритъ мужикъ,—и то деньги, и на томъ спасибо!..

Сейчасъ входитъ онъ въ покои боярскіе и зычнымъ голосомъ какъ крикнетъ:

— Я въ домъ,—кикимора изъ дому вонъ!..

Кикимора,—хоть бы слово наперекоръ, сейчасъ собралась въ дорогу, и нѣтъ ея...

Обрадовались богатые люди, угостили мужика на славу и сто рублей ему въ награду отсчитали. А мужикъ и доволенъ. Ушелъ и давай слушать-послушивать, гдѣ теперь кикимора опять безчинствовать станетъ...

А кикимора, между тѣмъ, выбрала себѣ домъ богаче прежняго, поселилась въ немъ и давай озорничать еще того хуже. До того дошла, что хозяевамъ впору хоть изъ дому вонъ бѣжать: ни ѣсть, ни пить спокойно нельзя, да и по ночамъ имъ кикимора покою не даетъ. Просто сущая бѣда!..

Да прослышали богатые люди, что есть такой человѣкъ, который можетъ кикимору вонъ выгнать. Разыскали они мужика и просятъ его:

— Выручи, добрый человѣкъ!.. Просто житья намъ отъ кикиморы постылой нѣтъ!.. Выкури ты ее изъ дому.

— Что жъ,—говоритъ мужикъ,—это можно!.. А что дадите въ награду, господа хорошіе?..

— Да бери сто рублей, добрый человѣкъ!..

— Ладно,—согласился мужикъ, вошелъ въ хоромы, да какъ крикнетъ:

— Я въ домъ,—кикимора изъ дому вонъ!..

Кикимора опять мужику перечить не стала,—живо собралась и изъ дому выбралась.

А мужикъ получилъ сто рублей, поѣлъ, попилъ у господъ и идетъ себѣ домой, какъ ни въ чемъ не бывало. Только дорогой и нагнала его кикимора и говорить ему:

— Ну, вотъ что, мужикъ, что я тебѣ общала, то и сдѣлала. А теперь напредки ты ужъ меня въ покоѣ оставь и гнать меня изъ дому не смѣй. А не послушаешься меня да выгонишь вонъ,—въ тѣ поры я тебя тоже не помилую, съѣмъ тебя цѣликомъ!..

Мало времени спустя, слышитъ мужикъ, что опять кикимора озорничать стала да теперь уже въ домѣ перваго во всемъ городѣ богача... Какъ быть мужику, что ему дѣлать? Богатей прислалъ за нимъ,—слезно молить-просить пособить его горю и за труды двухсотъ рублей награды не жалѣть...

Думалъ, думалъ мужикъ, чесалъ, чесалъ голову и махнулъ рукой на послѣдокъ на все:

— А, была не была,—пропадать, такъ пропадать,—пойду, вытурю кикимору изъ дому, а тамъ ужъ мы съ ней договоримся!..

Только мужикъ въ хоромы вошелъ, только, было, ротъ разинулъ,—а кикимора какъ бросилъ къ нему, да такая злющая, раззлющая.

— А,—кричитъ ему,—ты опять сюда пришелъ?.. Да какъ ты смѣлъ?.. Что я тебѣ давеча наказывала?.. Ну, постой же, сейчасъ я тебя съѣмъ!..

Не струхнулъ мужикъ, смекнулъ, какъ ему быть, да и говорить кикиморѣ:

— Что ты, родная!.. Да развѣ я гнать тебя сюда пришелъ?.. Не гнать пришелъ я, а тебя предупредить, что обоимъ намъ бѣда будетъ неминуемая... Слышь ты, жена-то моя изъ рѣки ушла и теперь ходитъ по всему городу и тебя, и меня ищетъ,—хочетъ въ клочья разорвать!..

Какъ услышала это кикимора,—вся затряслась отъ страху, все добро свое побросала, вылетѣла изъ хоромъ и помчалась къ рѣкѣ да съ разлета—бухъ въ воду,—только брызги засверкали...

А мужикъ получилъ въ награду двѣсти рублей и сталъ жить-поживать спокойно; ужъ теперь-то кикиморѣ изъ рукъ его кривой жены было не вырваться никакими силами.

Сила-царевичъ и Ивашко-Бѣлая-Рубашка.

Жилъ-былъ въ нѣкоторомъ царствѣ, въ неизвѣстномъ государствѣ царь Хотей. А у него было трое сыновей-царевичей: Асиръ - царевичъ, Адамъ-царевичъ и Сила-царевичъ. Вотъ какъ стали царевичи на возрастѣ, пришли они къ царю и просятъ его отпустить ихъ въ сосѣднія государства, — на свѣтъ Божій да на добрыхъ людей посмотреть, а гдѣ придется къ случаю, такъ и себя показать.

— Хорошо, — сказалъ царь Хотей, — побѣжай ты, Асиръ, да ты, Адамъ, а Сила-царевичъ пускай со мной остается.

И указалъ царь Хотей, чтобы снарядили царевичамъ по кораблю, и людей чтобы имъ надежныхъ дали и казны золотой вдоволь.

Заплакалъ съ горя Сила-царевичъ, что вотъ старшіе братья его въ путь-дорогу, въ страны чужедальныя собираются, а онъ одинъ дома оставаться долженъ. Сталъ и Сила-царевичъ отца просить, чтобы онъ и ему корабль снарядилъ и постранствовать по свѣту бѣлому отпустилъ.

Опечалился царь Хотей на то и говоритъ ему:

— Сынъ ты мой любезный, тяжело мнѣ огорчать тебя, да какъ же ты одинъ въ невѣдомыя страны отправишься: и молодъ ты еще годами, и здоровьемъ слабъ,—гдѣ же тебѣ дальній путь перенести? Останься со мной, забудь о своей затѣѣ; да и мнѣ съ тобой куда сподручнѣе здѣсь будетъ.

Да ужъ очень больно Силѣ-царевичу хотѣлось посмотрѣть, что въ чужихъ краяхъ дѣлается, какъ тамъ люди по-иному живутъ, и такъ онъ неотступно царя просилъ, чтобы тотъ его въ путь-дорогу благословилъ, что не могъ ему царь Хотей въ просьбѣ отказать,—указалъ и третій корабль въ путь снарядить и благословилъ Силу-царевича на дальнее странствованіе.

Вотъ какъ снарядили три корабля въ далекое плаваніе, сѣли царевичи каждый на свой корабль и ушли въ море. Впереди всѣхъ старшій братъ плыветъ; рядомъ съ нимъ средній братъ путь держитъ, а меньшей, Сила-царевичъ, далеко поотсталъ отъ нихъ и плыветъ себѣ вовсе особнякомъ...

Плывутъ они день и два, а на третій день и видятъ царевичи, что плыветъ по морю навстрѣчу имъ гробница какая-то, и вся желѣзными обручами обита. И старшій братъ видѣлъ, и средній братъ тоже, да только подивились и не подумали поднять эту гробницу къ себѣ на корабль. А какъ повстрѣчалъ Сила-царевичъ гробницу, приказалъ онъ людямъ своимъ поднять изъ воды эту гробницу и поставить на корабль. И поднялась о ту пору буря, налетѣлъ вѣтеръ,—начало море бушевать и пошло трепать ихъ судно по морю гнѣвному. Сбились корабельщики съ пути и порѣшили отдаться на волю Божью... Долго носило судно по морю синему и прибило, наконецъ, его къ берегу крутому, а что это за берегъ такой былъ,—никто про то знать не зналъ и вѣдать не вѣдалъ.

— Ну,—говоритъ Сила-царевичъ своимъ людямъ,—берите-ка вы гробницу да перенесите на берегъ и заройте въ землю, какъ подобаетъ гробницѣ.

Вырыли слуги Силы-царевича глубокую яму и опустили туда гробницу, потомъ закидали ее землей и заровняли землю.

Вотъ какъ кончили это дѣло, Сила-царевичъ и говоритъ старшему корабельщику:

— Ужъ ты слушай-ка, послушай, вѣрный мой слуга, оставайся ты тутъ съ своими людьми меня дожидаться, а я пойду отъ васъ, куда глаза глядятъ. А ежели я сюда къ вамъ черезъ три года не вернусь, то вы меня ужъ больше не ждите, а возвращайтесь къ батюшкѣ моему и доложите обо всемъ, какъ дѣло было и что-де со мною, значить, что-нибудь недоброе приключилось!..

Попрощался Сила-царевичъ со своими людьми и пошелъ, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ, шелъ долго ли, коротко ли,—только вдругъ слышитъ, что кто-то словно бѣжитъ за нимъ слѣдомъ, да бѣжитъ торопко, словно хочетъ какъ можно скорѣе догнать его. Оглянулся Сила-царевичъ и видитъ,—бѣжитъ за нимъ человѣкъ нѣкій, весь въ бѣломъ. Поопасился Сила-царевичъ незнакомаго человѣка,—кто его знаетъ, что у него на умѣ могло быть?.. Выхватилъ Сила-царевичъ изъ ноженъ свой булатный мечъ и стоитъ-дожидается невѣдомаго человѣка. А тотъ подбѣжалъ къ Силѣ-царевичу и бросился къ его ногамъ, а самъ плачетъ-разливается, обнимаетъ его ноги и цѣлуетъ ихъ въ умиленіи.

Подивился Сила-царевичъ на этого человѣка и спрашиваетъ его:

— Ты скажи-ка мнѣ, не утай, удалый, добрый молодецъ, почто ты въ ноги мнѣ кланяешься, почто обнимаешь ихъ и самъ плачешь-разливаешься горючими слезами?..

И сказалъ ему незнакомый человѣкъ:

— Ужъ ты гой еси, Сила-царевичъ!.. Еще какъ жемнѣ не плакать, какъ мнѣ въ ноги тебѣ не кланяться за милость твою великую?! Сколько времени плавалъ я по синему морю, лежа въ той гробницѣ, что обита была желѣзными обручами. И кабы не ты,—вѣдаешь, одинъ Господь, сколько бы мнѣ еще плавать довелось, прежде чѣмъ я на землю попалъ!.

— Да какъ же это ты,—спрашиваетъ его Сила-царевичъ,—въ гробницу попалъ, добрый человѣкъ?..

И рассказалъ ему тогда Ивашко-Бѣлая-Рубашка обо всемъ, что съ нимъ приключилось.